

RU

Образ метафизического вампира в художественном пространстве
рассказа «Упырь-психопат» Ю. В. Мамлеева

Яковлев М. В., Карпенко А. В.

Аннотация. Статья посвящена анализу рассказа Ю. В. Мамлеева «Упырь-психопат» сквозь призму некромифопоэтической рецепции. Цель исследования – выявить специфику образа метафизического вампира в произведении. В статье анализируются сюжетно-композиционные особенности рассказа с акцентом на его образную систему метафизического генезиса, сюжетно-композиционную структуру и мортальные мотивы. Автору присуще понимание жизни и смерти как неотъемлемой части цикла бытия. Уход из этого мира не означает конец, а лишь переход в неизведанный, таинственный мир нового существования. Научная новизна заключается в том, что впервые рассматривается уникальная мифопоэтическая картина мира рассказа «Упырь-психопат», где исследуются особенности качественно иного состояния бытия – жизни после смерти. В результате подробного анализа установлено, что текст строится вокруг трансцендентного выхода героя в запредельные сферы с целью исследования духовного космоса человеческого бытия, упырь – носитель непознанных сил, что таятся в глубине каждого человека. Конфликт между неутолимимым желанием найти ответы на духовные, метафизические вопросы и невозможностью этого достичь является ключевым в рассказе философа.

EN

Image of the metaphysical vampire in the artistic space
of the short story “A Psychopathic Ghoul” by Yu. V. Mamleev

M. V. Yakovlev, A. V. Karpenko

Abstract. The paper is dedicated to the analysis of the short story “A Psychopathic Ghoul” by Yu. V. Mamleev through the lens of necromythopoetic reception. The research aims to reveal the specifics of the image of the metaphysical vampire in the work. The paper analyzes the plot and compositional features of the short story, focusing on its imagery system of metaphysical genesis, plot-compositional structure, and mortal motifs. The author possesses an understanding of life and death as an integral part of the cycle of being. Leaving this world does not mean the end, but only a transition to an unknown, mysterious world of a new existence. The research is original in that it is the first to consider the unique mythopoetic worldview of the short story “A Psychopathic Ghoul”, where the features of a qualitatively different state of being, i.e., life after death, are explored. As a result of a detailed analysis, it was found that the text is built around the protagonist’s transcendent entry into the forbidden spheres to explore the spiritual cosmos of human existence, the ghoul is the bearer of unknown forces that lurk in the depths of every person. The conflict between the insatiable desire to find answers to spiritual, metaphysical questions and the impossibility of achieving this is key to the philosopher’s short story.

Введение

Имя Юрия Витальевича Мамлеева, чьи рассказы, стихотворения, романы и философские эссе пользуются популярностью, широко известно не только в России, но и за рубежом, о чём свидетельствуют многочисленные переводы произведений на основные языки мира и международное признание его таланта. Писателя и мыслителя по праву можно назвать феноменом современной русской литературы, который смог прозреть сквозь повседневную реальность бездны метафизического бытия и воссоздать панораму «русского национального духа на его вневременном, вечном уровне», где раскрывается космическое предназначение русской души (Мамлеев, 2020, с. 21). В этом метафизическом космологизме России заключается её парадоксальное свойство: именно здесь «полнота бытия исчерпывает себя, достигает границ, выход за которые невозможен, ибо за ними – Бездна небытия» (Мамлеев, 2020, с. 12). Являясь основателем русского метафизического реализма,

Ю. В. Мамлеев создаёт фундаментальные труды, «Судьба бытия» и «Россия Вечная», которую сам философ считал венцом своего творчества (Мамлеев, 2019, с. 151). Русская Доктрина в социально-историческом контексте XXI века продолжает развивать традицию русской идеи, рассматривая Россию как космологический центр мироздания и «богоизбранную землю» (Яковлев, 2021, с. 360).

Актуальность нашего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на то, что активное изучение творчества Ю. В. Мамлеева в России началось с 1990-х годов, творческий метод писателя по-прежнему остаётся дискуссионным и вызывает полемику в кругу литературоведов.

Во-вторых, велика роль творческого потенциала писателя в формировании русского метафизического реализма, изучение которого было бы невозможно без литературоведческого анализа художественных текстов, где автор исследует национальный дух на его вневременном уровне.

В-третьих, рассказ «Упырь-психопат» интересен тем, что представляет собой своеобразный онтологический эксперимент, в ходе которого герой совершает попытку выйти за пределы Вселенной, постичь неизведанное. Необходимо учесть, что метафизические мотивы совершенно особым образом раскрываются на уровне системы образов и идейно-художественного своеобразия текста, изучение которых необходимо для целостного восприятия не только рассказа, но и всей философской мысли Ю. В. Мамлеева.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- раскрыть сущность познания действительности в контексте философских поисков Ю. В. Мамлеева как синтеза метафизики и образной художественности;
- выявить метатекстуальные и интертекстуальные связи рассказа «Упырь-психопат» с прецедентными текстами с целью установления культурно-семиотических ориентиров;
- исследовать в семантике построения художественного текста не только частотные в мировой культуре мифологемы, но и уникальную, мифопоэтическую картину мира, созданную Ю. В. Мамлеевым.

Совокупность поставленных задач определила использование методов исследования: историко-генетический анализ, раскрывший исторические и духовные предпосылки обращения автора к запредельным сферам в художественном пространстве рассказа; культурно-исторический метод, позволивший вписать данного автора в контекст современной литературы как наследника многих признанных мастеров словесности; символический, давший возможность исследовать символично-ценностные доминанты в произведении в контексте эсхатологических настроений XX века.

Материалом исследования послужили сборники «вампирической» прозы и работы Г. Ф. Лавкрафта:

- Лавкрафт Г. Ф. Затаившийся страх: сборник / пер. В. Бернацкой. М.: АСТ, 2023.
- Любовь мёртвой красавицы: мистические истории: повести, рассказы / пер. С. Антонова, В. Ахтырской, Л. Бриловой и др. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022.
- Шелли М. Смертный бессмертный: сборник / пер. с англ. Н. Холмогоровой. М.: АСТ, 2021.

Кроме того, привлекались статьи и интервью Ю. В. Мамлеева:

- Мамлеев Ю. В. Россия Вечная. М.: Издательская группа «Традиция», 2020.
- Мамлеев Ю. В. Статьи и интервью. М.: Издательская группа «Традиция», 2019.

А также его рассказ «Упырь-психопат», опубликованный в следующих источниках:

- Мамлеев Ю. В. Голос из ничто: рассказы. М.: АСТ, 2022.
- Мамлеев Ю. В. Невиданная быль. Стихи и проза. М.: Издательская группа «Традиция», 2014.

Теоретическую базу исследования составляют основополагающие труды, предметом которых является русская идея, рассматривающая Россию как космологический центр мироздания в социально-историческом контексте XX и XXI веков и человека как носителя духовной национальной культуры (Мамлеев, 2020; Нефагина, 2008; Семькина, 2008а; Пономарев, 2007; Трунин, 2008), символично-метафизические мотивы (Кононова, 2009; Скрябина, 2023; Трушкина, 2024), а также работы, посвящённые творчеству Ю. В. Мамлеева (Колмакова, 2015; Колмыкова, 2012).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в преподавании курсов по культурологии, литературоведению и компаративистике. Результаты исследования могут найти применение при составлении учебников и учебно-методических пособий для студентов филологических факультетов.

Обсуждение и результаты

Формируя новый вектор философской мысли XX века, Ю. В. Мамлеев создаёт собственный неповторимый художественный метод, где философско-эстетическая концепция заключается в живом синтезе метафизики и художественности. Важной чертой рассказов Мамлеева является изображение внутренней, скрытой сущности человека, животных и нечистой силы (Семькина, 2008b, с. 579). Автор проникает в глубину психологического пространства персонажей и раскрывает их тайные стремления, мотивации и страхи, подчёркивая их неуловимую, метафизическую природу.

Артур Шопенгауэр, выдающийся немецкий философ XIX века, уделял особое внимание метафизике – понятию, которое он преподносил как знание, превосходящее рамки опыта и науки. По его мнению, метафизика раскрывает то, что скрыто за поверхностной природой, даря ей возможность жить и существовать. Физический мир в то же время вступает в противоречие с метафизикой. Шопенгауэр утверждал, что у человека

всегда существует потребность в метафизических размышлениях и постижении глубокого смысла бытия. Несмотря на развитие физической науки и её стремление объяснить явления и законы природы, она всё время сталкивается с границами, заданными метафизикой (Шопенгауэр, 2021, с. 459).

В основе художественного метода Мамлеева лежит глубокий интерес к мистике, шаманизму, теософии, йоге и оккультизму, а также к традиционным религиям, которые в период правления Н. Хрущёва подвергались гонениям (Скрябина, 2023, с. 161). Обращение писателя к интертекстуальности как особому явлению в культуре и искусстве тесно связано с использованием мифологических и фольклорных реминисценций и аллюзий, а также представлений о потустороннем мире. Мамлеев мастерски применял приёмы построения художественного произведения, основанные на контрасте: забавных и приводящих в ужас ситуациях, сочетающих комическое и пугающее, создающих единство реальности и ирреальности.

Вызывающий неподдельный страх гротеск, ирреальные существа, словно вышедшие из преисподней, сновидения и предчувствия – всё это отличительные черты сюрреализма, присущего творчеству Мамлеева, по мнению Г. Л. Нефагиной (2008, с. 75). Некоторые литературоведы полагают, что корни творчества философа восходят к традициям абсурдистской литературы: так, М. Одесская предполагает, что «бредовая реальность берет верх, стройная и понятная человеку картина мира рушится, её место занимает хаос и деконструкция, привычный мир становится набором симулякров» (1992, с. 57), а в основе художественного метода лежит оксюморон, позволяющий синтезировать смешное со странным, сновидческим и вызывающим ужас. Стоит заметить, что нередко в творчестве Ю. В. Мамлеева прослеживаются метатекстуальные связи, где претекстом чаще всего выступает творчество Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, чьи произведения отличались фантастичностью и сюрреалистичностью, а амбивалентный смех, ставший лейтмотивом шедевров русской литературы, характеризуется как «веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает, и утверждает, и хоронит и возрождает» (Бахтин, 2021, с. 437).

Оккультные практики, сверхъестественные явления, мистические существа, неподвластные человеческому сознанию, всегда вызывали искренний интерес как у философов, так и у мастеров художественного слова. Конечно, попытки постичь тайные знания и дать ответы на неразрешимые вопросы есть не что иное, как боязнь смерти, запечатлённая в глубинах человеческого сознания и вызывающая иррациональный, метафизический ужас. Как нельзя метко это всеобъемлющее чувство описал непревзойдённый мастер литературы ужасов – Г. Ф. Лавкрафт: «Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого» (2023, с. 157). Неудивительно, что во все времена к теме смерти, «таинственной грозноликой подруги трепещущего человечества» (Шелли, 2021, с. 151), обращались разные философы и писатели.

В рамках художественного дискурса считаем целесообразным обратиться к теме существования на пороге жизни и смерти в рассказах Ю. В. Мамлеева, где архетип смерти подвергается метаморфозам и интерпретируется в контексте синтеза современной автору реальности, метода метафизического реализма и следования традициям Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского (Семькина, 2008а, с. 151). С автором «великого пятикнижия» Мамлеева сближает понимание жизни и смерти как органического единства. Кончина не есть смерть, это лишь шаг на пути к качественно новому, запредельному состоянию бытия. В мифопоэтике и Ф. М. Достоевского, и Ю. В. Мамлеева текст строится вокруг трансцендентного выхода в иное измерение – кладбища, архетипического топоса, с древних времён имевшего сакральное значение: с одной стороны, это священное место, там находят последний приют умершие, с другой – это граница между мирами, где можно встретить представителей потустороннего мира. Однако панический ужас перед лицом смерти герои Ю. В. Мамлеева преодолевают в духе гоголевской традиции – смехом, нечеловеческим хохотом, извращёнными улыбками, прыжками и дикими танцами, что позволяет избавиться от душевного напряжения: «...танцы, бег, пение и шествия выполняют функцию... пробуждения первобытной силы жизни» (Бахтин, 2021, с. 237). Именно такова сущность карнавала по классическому толкованию Бахтина.

Примечателен в этом отношении рассказ «Упырь-психопат», вошедший в цикл «Голос из ничто» 2021 года, где собраны произведения, написанные Мамлеевым в 1970-1980-е гг. и проиллюстрированные Доротеей Шемякиной, сумевшей воссоздать гиперреалистические сцены советского быта. Заглавие, выполняя апеллятивную функцию, наводит на мысли о прецедентных текстах – элементах культурной памяти народа, где так часто встречается образ inferнального существа – живого мертвеца.

Известно, что первые упоминания о вампирах встречались ещё в ранних греческих мифах. В европейской мифологии вампиры – вставшие из могил грешники, приводящие людей в ужас, сосущие их кровь, превращающиеся в летучих мышей и погибающие лишь от кола, вонзённого в сердце, в то время как в славянской мифологии упырь – мертвец, или зооморфное существо, некогда бывшее человеком, умершим неестественной или насильственной смертью, через гроб которого перескочила чёрная кошка. Эрнст Бенъямин Соломон Раупах в рассказе «Не будите мертвецов» с ужасающей натуралистичностью изображает сверхъестественную и разрушительную силу нечисти: «Мертвецов не пробуждайте к жизни, / С ними воцарятся зло и тьма. / Их дыхание жутко, как чума, / Препней, солнечной, земной отчизне» (Любовь мёртвой красавицы..., 2022, с. 31).

Примечательно, что до выхода нашумевшей повести Д. Полидори «Вампир» внешний облик нечисти внушал ужас и животный страх. Но в этом произведении впервые внешность мертвеца не отталкивает, а привлекает внимание: аристократизм, утончённая красота, бледность, таинственность – все качества, присущие романтическому герою (Любовь мёртвой красавицы..., 2022, с. 8).

Всплеск интереса к вампирической тематике связан с выходом романа Брэма Стокера «Дракула», в котором образ пугающего мертвеца впоследствии претерпевал метаморфозы. Тема мистики в советской эпохе была запретной и подвергалась строгой цензуре, поскольку могла толковаться как элемент антисоветской пропаганды. В русском культурном контексте вампир был весьма необычным существом, которое не подходило под общепринятые нормы, сочетая фольклорные черты и устоявшиеся мотивы западного готического романа. Стоит отметить, что к XXI веку образ зловещего мертвеца эволюционировал и стал частью культурного пространства, пользующейся популярностью и по сей день.

Рассказ Ю. В. Мамлеева «Упырь-психопат» привлекает заголовком, который должен погрузить в инфернальное пространство, где главным героем является упырь. Однако этого не происходит: автор как данность изображает существование живого мертвеца в контексте художественного микрокосма рассказа, в результате чего все события воспринимаются как обыденность, данность.

Одной из частотных у Мамлеева является форма дневника или личных записок, что связано с попыткой дать читателю возможность самому разграничить интенцию автора и нарратора, в результате чего возникает состояние амбивалентного парадокса, так как повествование рассказа «Упырь-психопат» строится как дневниковые записи – воспоминания героя, в которых видно деление текста на две неравные части: повествование от третьего лица предшествует дневниковым записям рассказчика, то есть фокус внимания смещается на нарратора, причём писатель использует образ «ненадёжного рассказчика»: читатель в процессе дистанцируется от нарратора – мертвеца, слова которого ставятся под сомнение.

В рассказе «Дневник молодого человека» писатель формулирует принцип использования дневниковых записей, который применим и к «Упырю-психопату»: «Дневничок, дневничок, дневничок... Люблю всё склизкое, потаённое...» (Мамлеев, 2022, с. 253). То есть такая форма повествования придаёт рассказам черты литературной исповеди, в которой человек раскрывает тайны своей души, погружает в тёмные стороны жизни и которая, однако, отличается от религиозной, потому что не связана с покаянием. Герой признаётся в пороках, но он не стремится от них избавиться, наоборот, говоря о порочности, он самоутверждается, заявляя о полном праве быть таковым.

С первых строк автор погружает читателя в не поддающуюся рациональному сознанию систему координат: если существование упыря уже воспринимается как данность, то определение «психопат» наводит на мысль об исключительности героя в художественном пространстве рассказа (Кононова, 2009, с. 59). Парадоксальность образа заключается не столько в его инфернальной природе, из-за которой он застрял «между тем и этим светом», при этом ныряя «ещё куда-то в сторону», что также отличает его от подобных живых мертвецов и говорит о его метафизическом генезисе, сколько в «ясном и тревожном сознании», позволяющем чувствовать душевные терзания и испытывать платоническую любовь, что вовсе не характерно для подобных существ (Мамлеев, 2022, с. 190). Ю. В. Мамлеев разрушает канонический образ могущественного и бесстрашного мертвеца, замечая, что его герой не отличается мрачностью и не внушает запредельного ужаса: «...это был до ненормальности трусливый упырь» (2022, с. 190), который до ужаса боялся пить кровь даже у детей, поэтому устроился работать медицинским братом в донорский пункт, где вдоволь утолял свой голод. Примечательно, что речевая характеристика предисловия к запискам подчинена законам художественного мира рассказа: так, например, рассказчик замечает, что упырь, устроившийся на работу ради крови, прекрасно социализировался в обществе и приобрёл репутацию «тихого и вдумчивого товарища» с «не по ситуации огромным портфелем» (Мамлеев, 2022, с. 191). Приём остранения позволяет нарисовать вполне типичный образ трудящегося упыря, увлекающегося философскими трудами Штейнера и Канта настолько, что последний ему снится: «...Кант, по существу, писал только о нас, об упырях. Ведь опять все те же проблемы: свобода воли, мораль, практическая ответственность перед Богом» (Мамлеев, 2022, с. 191). Автор мастерски сочетает низменные, типичные потребности упыря и «духовные»: сосать кровь из пробирок (именно человеческую кровь, так как, по его мнению, «пожирание без присутствия разума ничтожно»), тошноту от человеческой пищи и необходимость внутренней свободы, ощущение чего-то «свободного, божественного и даже игривого» в душе. Всё это реализуется в художественном пространстве текста через мотив скуки: «24-е мая. Нудный и скучный день» (Мамлеев, 2022, с. 191). С одной стороны, эти определения характеризуют однообразие существования героя, с другой – и его отчуждённость от мира людей, так реализуется мотив беспросветного одиночества. К 31 мая скука превращается в «страшную тоску», порождённую «жаждой иного берега». Упыря не покидают мысли об оккультном самоубийстве, однако невозможность совершить его и жалость к самому себе берут верх над мимолётным желанием прекратить терзания. Очевидно, он ставит себя много выше обыкновенных людей: его коллега Федоренко, абсолютно воплотившийся упырь, полагает, что отсутствие живой крови плохо сказывается на герое, именно по этой причине им овладела тоска. Можно сделать вывод, что если бы он убивал людей и пил их кровь, то ему было бы чуждо желание «увидеть Высшие Иерархии» (Заманская, 2002, с. 157).

Не менее интересна языковая характеристика самого героя, представляющая собой синтез советизмов, просторечной лексики (ругательства, нарушение грамматики) и литературной нормы. Так, например, упырь, противопоставляя себя обществу, называет людей «тупоумными», дам – «жирными», мужчин – «зверо-воинственными», считая, что сам он лишь «формальная сторона», в то время как истинные чудовища – они. При этом герой невероятно труслив и боится пить из них кровь. Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами создаёт эффект сардонической улыбки, формирующий мотив странного, потустороннего веселья, сопряжённого со страхом разоблачения и отрицанием смерти, образует так называемый парадоксальный катарсис: «На душе тревожно, но держусь добрячком» (Мамлеев, 2022, с. 190).

Тематико-композиционная межтекстовая связь, выполняя экспрессивную и апеллятивную функции, позволяет отнести мамлеевского упыря к типу «подпольного»: живого мертвеца вполне можно назвать интеллигентом, обладающим гипертрофированной эмоциональностью, которая приобретает параноидальные формы. В типе «подпольного» человека соединяются черты лишнего, который возвышается над средним, и черты маленького, что провоцирует раздвоение личности. Мотив «подпольности» коррелирует с театральной традицией: известный широко применяемый приём, включающий в себя личину с маской, на которой изображены гримасы смеха и страдания (Якунина, 2009, с. 177). Одна часть лица улыбается, другая застыла в трагической печали. Именно это двойственное выражение – весёлое и трагическое одновременно – является символическим для концепции мира в художественном пространстве рассказа Ю. В. Мамлеева.

Интерпретация inferнального образа и воплощение мотивов телесности и безумия в откровении метафизического начала человечества направлены на поиск таинственной энергии, присущей каждому живому существу. Интерпретация «метафизических существ» с точки зрения метафизического реализма помогает раскрыть символические аспекты Бытия: реальный мир представлен как иллюзия, и лишь осознание смысла земной жизни позволяет добраться до высших сфер Абсолюта.

В художественном контексте рассказ детства интерпретируется автором как «смыслообразующая духовная субстанция», помогающая постичь тайну трансцендентного: именно дети способны почувствовать и услышать голос из иного бытия (Зеньковский, 2019, с. 159). В. В. Зеньковский полагает, что «нельзя в людях увидеть отсвет Царствия Божия, если не доберёмся до той глубины, в которой люди близки детям» (2019, с. 160).

Используя приём ретроспективы, автор рисует события минувших дней: упырь вспоминает то время, когда мог пить кровь детей: «Я и раньше норовил только детишек сосать. Чище они и беспомощней. И умирать им радостней» (Мамлеев, 2022, с. 193). Притом ему не чужда жалость: так, герой не может забыть «одухотворённую» девочку, чьи глаза сравнимы с глазами христианских ангелочков. Именно в христианстве «детство самосуше, ибо мыслится не как начальный период жизни, а как её высшая точка» (Зеньковский, 2019, с. 161). Однако совершённые героем убийства воспринимаются не как преступления, а как акт постижения «подлинной духовной жизни, зажигающей его [ребёнка] душу влечением к Бесконечности» (Зеньковский, 2019, с. 161). Упырь приходит к выводу, что девочка – видимость, так как реальное не может погибнуть от руки «глупого, идиотически-бессмысленного существа, как упырь» (Мамлеев, 2022, с. 193).

Дневниковые записи начинаются 21 мая и заканчиваются 25 августа, их условно можно разделить на две композиционные части: до знакомства с земной девушкой и после. Очевидно, что нахлынувшие чувства были столь новы для упыря, что целых два месяца он не прикасался к дневнику. Запись от 7 августа поражает своей экспрессией: «...Я влюбился, влюбился в очаровательную, нежную, земную девушку с чистой и возвышенной душой! ...И как влюбился – платонически! (Впрочем, другая влюблённость для меня была бы странна?) ...Я люблю её! Помогите! Помогите!! ...Люди!!! ...Люди!!! ...Где вы!!!» (Мамлеев, 2022, с. 198). Латентное психопатологическое мироощущение упыря раскрывается через взаимоисключающее единство мотивов любви и смерти, причём смерть является необходимым условием любви. Чувственность и эротика в рассказе Ю. В. Мамлеева приобретают сакральное значение: упырь буквально кричит на страницах своего дневника о том, как сильно полюбил душу этой девушки, которая обречена бродить во тьме загробного мира, он же жаждет вывести её на светлый путь Вечности: «...И пусть извиваются мои черты, пусть синееют от пламени глаза, пусть трепещет трупное дыхание – я буду смотреть на неё с такой любовью, что этой любви будут завидовать ангелы» (Мамлеев, 2022, с. 198). Любовь «из другого мира» построена на ужасающем контрасте: упырь с «охлаждёнными смертным ужасом глазами» и «кровью, чернеющей на устах» и земная девушка, в образе которой он видит «иерархию чистых, всепроникающих, боговдохновенных духов». Любовь, «святая и безграничная», разрушила все преграды, герой почувствовал непреодолимое вампирическое влечение к девушке, равной всемогущему Божеству: потребность перегрызть ей горло и выпить всю кровь до капли и желание во что бы то ни стало спасти её душу терзают главного героя, мечтающего обратить кровь во всепрощающие слёзы невинных младенцев.

Исповедь упыря обрывается 25 августа: он принимает решение вместе с возлюбленной отправиться в обитель богов, перед этим нанеся ей смертоносный удар. Так в рассказе реализуется мотив метафизического путешествия к Вечному, к Внереальности, через который раскрывается авторский неомиф о Божественном присутствии и пути к Богу. Противоречие между жаждой познания неизведанного и невозможностью его достижения является центральным в рассказе Ю. В. Мамлеева. Противоречие между внешним и внутренним мирами достигает колоссальных масштабов, не находя разрешения. Отчаявшийся и потерянный, герой оказывается в напряжённом пограничном состоянии на пути к трансцендентному, что придаёт его существованию трагический оттенок.

Таким образом, в рассказе «Упырь-психопат» реализуется авторская интенция: познание личностью разных аспектов бытия с целью преодоления смерти.

Заключение

По итогам исследования мы пришли к следующим выводам. Целостный анализ рассказа Ю. В. Мамлеева «Упырь-психопат» позволил раскрыть сущность познания действительности в контексте философских поисков мыслителя как неповторимого сочетания метафизических мотивов и художественности. Так, главный герой является неотъемлемой составляющей неповторимой галереи образов, персонажей, попытавшихся выйти за пределы дозволенного, а ныне ставших «метафизическими монстрами», характеризующимися душевным надломом, внутренней дисгармонией, возникшей в силу невозможности выйти за рамки познаваемого и достичь качественно иного состояния, открыть таинственную дверь к Высшему Я.

Нами были выявлены метатекстуальные и интертекстуальные связи рассказа «Упырь-психопат» с текстами, являющимися элементами культурной памяти народа. Натуралистическая образность неразрывно связана с миром иррациональным, подсознательным. Создавая мифопоэтическое пространство рассказа, писатель обращается к фольклорным, сакральным, мистическим мотивам, к коллективному бессознательному, которые претерпевают метаморфозы под влиянием социально-исторического контекста.

В семантике построения художественного текста нами была исследована мифопоэтическая картина мира, созданная Ю. В. Мамлеевым как продолжателем русской идеи. Однако следуя традициям предшественников, он в то же время предлагает совершенно новый вектор философских поисков, что позволяет говорить об уникальной метафизической концепции трансцендентных, метафизических основ бытия.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении системы мистических мотивов в малых эпических формах повествования Ю. В. Мамлеева. Образы сверхъестественных существ выполняют сакральную функцию соединения мира реального и запредельного, в чём и проявляется органическое единство метафизического и литературно-художественного дискурса.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2021.
2. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002.
3. Зеньковский В. В. Психология детства. М.: Академический Проект, 2019.
4. Колмакова О. А. Поэтика русской постмодернистской прозы рубежа XX-XXI вв. Улан-Уде, 2015.
5. Колмыкова С. С. Специфика авторской интерпретации традиционного «двоемирия» в позднем творчестве Ю. Мамлеева (на материале рассказов писателя) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 8.
6. Кононова Н. Ю. Система метафизических мотивов в рассказах Ю. Мамлеева 1960-1974 годов: дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2009.
7. Нефагина Г. Л. Метафизика бытия в творчестве Ю. Мамлеева // Нефагина Г. Л. Штрихи и пунктиры русской литературы. Мн.: Белпринт, 2008.
8. Одесская М. Дом на краю бездны: возвращение Юрия Мамлеева // Литературная газета. 1992. № 52.
9. Пономарев Ф. А. Типология катарсических эффектов в малых формах русской прозы второй половины двадцатого века: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2007.
10. Семькина Р. С. Метафизическая космоантропология Ю. Мамлеева // II международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». М., 2008а.
11. Семькина Р. С. Ф. М. Достоевский и русская проза последней трети XX века: дисс. ... д. филол. н. Барнаул, 2008б.
12. Скрябина Т. Л. Московский круг в романе «Другой»: символическо-метафизический аспект поздней прозы Ю. Мамлеева // Вестник культурологии. 2023. № 2.
13. Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX-XXI вв.: дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
14. Трушкина А. П. «Готическая» традиция в отечественной прозе конца XX – начала XXI столетия: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2024.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Neoclassic, 2021.
16. Яковлев М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века: монография. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Орехово-Зуево: ГТТУ, 2021.
17. Якунина О. В. Мотив пения, пляски и хохота: элементы карнавальной эстетики в малой прозе Юрия Мамлеева // Гуманитарные исследования. 2009. № 1 (29).

Информация об авторах | Author information

Яковлев Михаил Владимирович¹, д. филол. н., доц.

Карпенко Анастасия Владимировна²

¹ Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево

² Муниципальное общеобразовательное учреждение гимназия № 14, г. Орехово-Зуево

Mikhail Vladimirovich Yakovlev¹, Dr

Anastasia Vladimirovna Karpenko²

¹ State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo

² Municipal educational institution gymnasium No. 14, Orekhovo-Zuyevo

¹ 79104310619@yandex.ru, ² nastyucha2302@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.05.2024; опубликовано online (published online): 20.06.2024.

Ключевые слова (keywords): Ю. В. Мамлеев; рассказ «Упырь-психопат»; архетип смерти; смертные мотивы; некротифопоэтическая рецепция; Yu. V. Mamleev; short story “A Psychopathic Ghoul”; death archetype; mortal motifs; necromythopoetic reception.